

О БО МНЕ уже сочинено столько самых невероятных легенд, что одной больше, одной меньше... Дело в том, что правда кажется журналистам чересчур простой, а им нужно любой ценой завлечь публику...

Я никогда не стремился «сделать карьеру» и более других был удивлен популярностью Мегрэ и ее последствиями.

Успех не опьянил меня, я не изменил своего отношения ни к людям, ни к обществу. Но он помог мне объездить свет, приглядеться к жизни многих народов, и со временем я стал испытывать все более настоятельную потребность познать суть человека, освобожденного от всяческой мишуры и масок, понять, каков он на самом деле в любом уголке земли.

Я не настолько самонадеян, чтобы полагать, будто мне это удалось. Но я думаю, что если меня читают на разных языках — в Северной и Южной Америке, в Токио, Индии, на Ближнем Востоке, не говоря уже о Европе, — значит, люди в какой-то степени узнают себя в моих персонажах, иначе мои романы не вызывали бы у них интереса, ведь сочиняемые мной истории редко отличаются острой занимательностью.

Этот успех навлек на меня и определенные обязательства. Против воли я стал так называемым общественным человеком: так же, как это происходит с политическими деятелями и актерами, моя жизнь стала полностью принадлежать читателям.

Начинал я как журналист и до сих пор не забыл горького разочарования, когда некий господин, у которого мне было поручено взять интервью, захлопнул перед моим носом дверь. И не мелкое тщеславие, а нежелание подвергать людей унижению нуждается меня, вопреки потребности побыть в одиночестве, принимать бесчисленных корреспондентов.

Я не сожалею о том времени, которое они у меня отнимают повсюду, куда бы я ни приехал, я неизменно оказываю им теплый прием и, к их удивлению, искренне и едва ли не простоудно отвечаю на все вопросы.

Мне хорошо запомнился один журналист, симпатичный и образованный, который брал у меня интервью в Лондоне, в номере отеля «Савой». После долгой беседы, записанной на магнитофон, он уже собирался было уходить,

Жорж СИМЕНОН:

«Я пишу, чтобы меня читали»

Человек, вознамерившийся развенчать легенду, окружающую его имя. Таким предстает в своих «Семейных мемуарах» Жорж Сименон — автор более двухсот романов, переведенных на сотни языков и выдержавших десятки экранизаций.

Этот объемистый том (семьсот пятьдесят страниц) поднимает завесу над сугубо частной жизнью писателя. Сименон не испугался перспектива предстать перед своими почитателями самым что ни на есть земным и грешным человеком, снисходительным к своим и чужим слабостям.

Боль утраты побудила Жоржа Сименона написать эту книгу — дочь писателя Мари-Жю в двадцать четыре года покончила с собой. И нарушив данный себе зарок не братья больше за перо, писатель погрузился в прошлое — что-

но вдруг замешкался. Это был один из наиболее блистательных корреспондентов «Дейли экспресс». Многие годы я ежедневно читал эту газету, хотя совсем не разделял ее консервативных взглядов.

— Никак не могу решиться задать вам вопрос, который вы наверняка сочтете нескромным...

— Я отвечу на него так же, как и на все предыдущие, — откровенно...

Даже после этого он не сразу отважился спросить:

— Господин Сименон, любите ли вы себя?

Мой ответ, очень лаконичный, обошел всю мировую прессу:

— Я неприятен себе. Он не осмелился спросить, почему, и сегодня я поясню это сам.

Я действительно неприятен себе или, точнее, несколько стыжусь той жизни, которую вынудил меня вести успех. Стыжусь привычки к дворцам и роскоши. Стыжусь, что были годы, когда число

людей, обслуживающих мою семью, непрерывно росло, хотя это и было следствием моей общественной жизни и требовалось для того, чтобы обеспечить мне необходимые для работы условия.

Я ОТДЫХАЮ, когда пишу о Мегрэ, и делаю это, если не чувствую себя способным взяться за «трудный» роман. Так возникли все книги о Мегрэ, не считая первых восемнадцати, публиковавшихся по одной в месяц. Я писал две главы в день, одну утром, другую после полудня, но некоторые из этих романов были закончены в три дня.

Для меня это, повторяю, было наилучшим отдохновением — устроиться перед машинкой в обществе моего бравого комиссара, не зная, как и он, чем закончится очередное следствие.

Долгие годы психологи, психоаналитики и биографы из разных стран, большинство из которых никогда меня не видели и редко кто

мне писал, селятся распознать «мою правду», анализируя мои книги. Я достаточно хорошо знаю себя, чтобы утверждать: почти все они на ложном пути, и лишь одному или двум удалось частично приблизиться к истине.

Чего только не написал обо мне в разных трудах и диссертациях, которые скорее всего меня переживут, и не сказал бы, чтобы меня это очень радовало. Возможно, потому я и занялся поисками собственной правды.

Но продолжу. Режиссер по имени Одюру задумал снять обо мне фильм и показать, откуда я черпаю вдохновение и как пишу. Я согласился, потому что мне всегда трудно сказать «нет». И вот однажды мой дом заполнила съемочная группа.

Я послушно выполняю все инструкции. Над домом возвышается операторский кран. Оранжевые переоборудовали в библиотеку и, задрапировав стены длинного коридора черной тканью, расположили там мои книги, вышедшие на раз-

бы год за годом, день за днем, а иногда и минута за минутой воскресить в памяти восемьдесят лет своей жизни.

С необычайным тщанием воссоздана в мемуарах семейная жизнь писателя: светлые и драматические ее страницы. Интимный характер мемуаров подчеркивает и форма, избранная писателем, — это в основном письма, адресованные детям.

Однако при чтении этой исповеди от внимательного читателя не ускользнут раздумья писателя о времени, о литературном ремесле, о целях творчества, об отношении к прессе, читателям, которые добавляют новые штрихи к портрету Сименона.

ных языках. Д., заметив спрятанную от глаз серебряную бахромку, определяет, что эта ткань предназначена для погребальных обрядов и взята напрокат из похоронного бюро.

Следует чудовищный приступ гнева. Он понятен, хотя, по правде говоря, лично мне совершенно безразлично, какого происхождения ткань. Покорно склонив голову под градусом упреков, продюсер освобождает дом от этого символа скорби и печали.

Меня снимают также ночью у переезда, на узкой дороге в кантоне Фрибур, где в полночь проходит поезд. По сценарию я должен подъехать туда в автомобиле, остановиться в тот момент, когда слагбаум опускается, во время короткой паузы набить трубку и закурить ее, а затем смотреть на проносящийся мимо поезд с освещенными купе и, когда слагбаум поднимается, пересечь железнодорожный путь.

Я никогда не стараюсь проникнуть в замыслы режиссеров и беспрекословно подчиняюсь им, как голливудский статист.

Потом съемки переносятся в Милан, в отель, где я обычно останавливаюсь. Я должен дойти до Соборной площади,

это совсем рядом, и прогуливаться там по Пассажу, украшенному витражами. И черпать вдохновение, подглядывая за прохожими.

Я отношусь с уважением к людям всех профессий, в том числе и к режиссерам, поставившим множество фильмов по моим романам с участием актеров, которыми я не устаю восхищаться. Но я почти не видел этих фильмов, за исключением двух или трех.

Понять, почему я не смотрю ни фильмов, ни телепередач, снятых по моим романам, совсем не трудно, однако никто из журналистов — а я с уважением отношусь к журналистам, даже к тем, которые меня поносят, — до сих пор этого не понял.

Сочиняя роман, я вижу перед собой своих персонажей, будто это живые люди. Как же режиссер и актер могут воссоздать образ, существующий в моей голове, если в их распоряжении лишь предельно лаконичные и сдержанные портретные зарисовки — обычно я хочу, чтобы воображение читателей дополнило недостающие детали.

Как бы вы реагировали, увидев собственного ребенка после чудовищной пластической операции? Вот так и мне больно смотреть даже на самого превосходного актера, исполняющего роль кого-либо из моих персонажей. Почему же я должен подвергать себя этой боли?

Д. ВСЯЧЕСКИ противилась тому, чтобы мои книги выходили в социалистических странах — из-за того, что там не платили в валюте. Сколько я ни старался ее переубедить, все было тщетно. Но ведь я пишу, чтобы меня читали, а не для того, чтобы собирать денежные урожаи. И я подписываю договоры с Югославией, Польшей, Венгрией, Чехословакией, Румынией и Болгарией, откуда незамедлительно начинают приходить самые трогательные и взволнованные читательские письма.

Что же до России, там меня публикуют с давних пор. Причем тиражи в пятьсот тысяч экземпляров расходятся в один день. И человеческое тепло, которое это мне дает, я ценю куда больше денег.

В Одессе, где я уже бывал, я веду свое маленькое семейное войско на мост, с которого хорошо видны порт и залив. Какая-то женщина обгоняет нас и останавливается. Ее сын, примерно лет шести, держит в руке цветок. Она наклоняется к нему и что-то говорит. Ребенок шагает в нашу сторону и, нерешительно оглядев моих детей и внуков, выбирает наконец Диану, которая еще только учится ходить, и с улыбкой протягивает ей цветок...

Вступление и перевод с французского И. ПОПОВОЙ

* Д. — жена писателя.